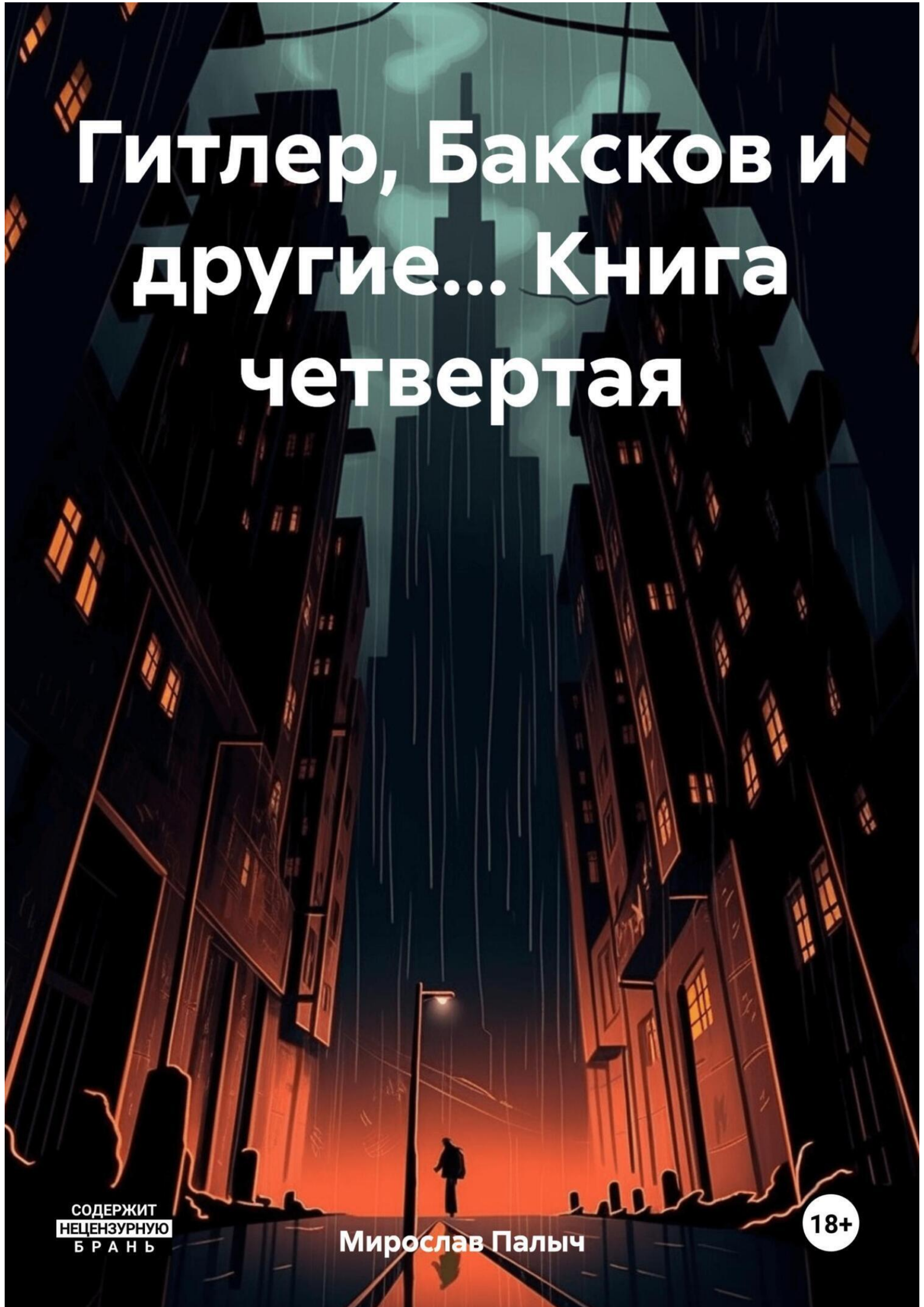

Гитлер, Бакскоов и другие... Книга четвертая
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Мирослав Палыч

Мирослав Палыч

Гитлер, Баксков и другие… Книга четвертая

«Автор»
2025

Мирослав Палыч

Гитлер, Баксков и другие… Книга четвертая / Мирослав Палыч — «Автор», 2025

Стимпанкические державы, словно хищные птицы, мечутся в поисках добычи, стремясь разделить мир на куски, как будто он, мир, пирог, впопыхах оставленный на столе... Но Владимир, кто прислушиваясь к голосу разума Иосифа, словно знал, что за этим кроется и не поддавался искушению. Он не брал семечки из рук Легитимного, осознавая, что истинная сила заключается не в мелочах, а в идеалах иных...

© Мирослав Палыч, 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Гитлер, Баксков и другие… Книга четвертая

Глава

ПЕРСОНАЖИ ВЫМЫШЛЕНЫ. ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ – СЛУЧАЙНЫ

Книга четвертая

Среди мрачных, сгустившихся на фоне Большой войны, облаков разразилась буря жадности. Державы Стимпанка словно хищные птицы метались в поисках добычи, стремясь разделить мир на куски, как будто он, Мир, был сдобным пирогом, впопыхах оставленным ГлавстимпБогом на глобально-политической столешнице. Но Резидент – кто, прислушиваясь к голосу разума Иосифа, который некогда, как известно, получил колобок от Адольфа, – словно знал, что за этим кроется и не поддавался искушениям. Он не взял семечки из рук Легитимного во время парада, как никто, понимая, что истинная сила заключается не в мелочах – а в идеалах иных.

Баксков, едва познакомившись с Мартой, уже стал понимать, что любовь – не секс. И не слова. Он уже чувствовал, что она, – его к Марте – любовь – бессмертна! Бессмертна, несмотря на ее, Марты, …измену. Сам виноват, заключил Баксков – не надо было уезжать надолго, оставляя супругу одну. Творческая личность сопран \ был не деспот и не зануда. И он помнил \ и свои грешки с горячими оперными итальянками во время гастролей в фашистской Италии, после хмельных посиделок на вилле Бенито…

Стахановский баянист Колька неожиданно вдохновился множащимися в народе слухами – о моментах общения сопрана Бакскова с миром стимп-богов неземным. И каков гусь оказался! Демонстрируя себя со своим баяном, выдал подозрительный антирелигиозный куплет, чем – не только привлек к себе внимание милиционеров, но и вредоносно понизил высокий градус стимпанкической идеологии. Спел на людной улице:

«Глав-стибох на Небесах,
варил людям супа.
Опрокинул котелок –
обварил до пупа».

Немногие понимали, что состряпал частушку скорее всего из ревности; от того что сам не может на таком же, столь «интеллигентном» – как лв сопран – уровне входить в контакт и общаться с вышней силой. …И это посреди Арбата! Ну и потащили его, в который уж раз, «граждане начальники», еще не переименованные в «полиционеров» – прямиком в лишенную комфорта – как ее называли дошумерские древне-укры – «буцэгарню». А там, в буцэгарне, припомнили ему и другой куплет, каким порочил известного разно-жанрового беллетртста из дружественного Стимп-СССР государства, какое поставляло Сталину по лэнд-лизу зеленые малолитражки и тушонку для борьбы с зарвавшимся Гитлером.

«Жизни тертый
сандараком,
Кинг-писака
лютый враг.
Ставим плетью
Кинга раком,
и даем

жевати мак…» – Измазывал когда-то известного беллетриста -таким и подобными куплетами, как позже выяснилось из доносов, баянист-Колька.

Незаметно подлетевшие к нему на патрульном минидирижабле американские копы, проходившие стажировку в русской стимп-полиции, не побрезговали заткнуть рот куплетисту. Копы не преминули брызнуть в него при задержании из перцового баллончика и от души приложиться к его шее резиновой дубинкой.

… – Ты же ушел в шахту с 9-го класса и рубил там уголь почти безвылазно. Откуда ты можешь знать, что Кинг «лютый враг» – давил на баяниста-Кольку дознаватель. – Ты что – его книги читал?

–А вы, гражданин, Следователь, разве не видите, что рожею этот Кинг Степаний – в отличие от Максима Горького – вылитый рептилоид и стимп-антисоветский элемент, как и множество других наших идейных врагов. – Невозмутимо отвечал куплетист, не чувствуя за собой никакой вины в осквернении идеологии достославного Стимпанка…

«Как бы там, в Берлине моя Марта не застрелилась от безысходности, что, вероятно охватит весь вермахт, в предчувствии им своего скорого конца» – Беспокоился Баксков, сортируя в Ворошиловграде клинописные шумерские таблички, и составляя их опись для подотчетной передачи бюрократам музейного ведомства. Поскольку все члены «Аненербе» обязаны были перед уходом в экспедицию сдавать на временное хранение свои паро-мобильники, то Бакскову, почти год будя в разлуке с женой, за все время удалось лишь -два-три раза выйти с нею на связь, чтобы хоть минуту-две пообщаться. И он не знал, что Марта уже – далеко не так, как прежде восторгается своим фюрером и его идеями. Перед самым отъездом в экспедицию Бакскову удалось подсунуть жене несколько брошюр с трудами классиков марксизма-ленинизма, доставленных по его просьбе Резидентом. Но Николай все равно не был до конца уверен, что, однажды присягнувшая Рейху последовательная Марта совсем и навсегда перестанет преклоняться перед политическим гением своего канцлера – именно после узнания ею – «Как реорганизовать рабоче-крестьянскую инспекцию».

Как все порядочные женщины Марта была – доверчива, поэтому Николаю поначалу было легко – на протяжении длительного периода их совместного проживания – скрывать свою принадлежность к стимпсов-разведке. Если вдруг являлась необходимость встретиться с полковником-резидентом, то это была срочная внеплановая «репетиция с оркестром». О встречах с «торпедой» – агентом Скобеивой, или «акулой», – ее мужем-агентом – для получения обновленных ключей дешифровки паротелеграмм, Марте сообщалось – как о благотворительном выступлении в закрытом клубе для получивших ранения подводников «Кригсмарине». Причины всяких других отлучек, о целях которых не следовало знать многим – объяснялись, примерно, – в таком же роде.

Лишь впоследствии, перед самым концом стимпанкической Большой войны пилотице открылось, что ее супруг – не только выдающийся певцик-сопран, а еще и красно-советский разведчик, внесший весомую лепту в разгром «непобедимого» стимп-рейха. …Стоит ли говорить, что, узнав об этом обстоятельстве, Марта еще крепче стала любить своего героического красно-советского мужа, совершенно перестав притом восторгаться потухшим гением фюрера. Женщинам лишь в нечастых случаях свойственно отдавать предпочтения все проигравшим лузерам.

Живя с Мартой, Николай скоро отметил, что его жена делает заметные успехи в изучении русского языка. Из ее уст, пока еще забавно звучали на русском, детские стихи – «О Греке», сунувшем руку в реку… Или о Ленине, какими описывалась иллюстрация в «Родной речи», где Ильич работал, сидя за столом с бумагами. …В их, с Мартой, берлинской квартире Николай всякий раз рефлекторно бросался плотнее закрыть форточку и окно, чтобы соседи случайно не услыхали, как Марта звонким голосом радостно демонстрирует свои успехи в освоении русского:

«…Дыётчке спьатт пьёорра льёожитза-а.
Нъаступпайэтт нъёотч.
– Маммиа, скорро льиажжет Лиьеннин? —
спращивайэт дъотч.
– Тии усниошь, – и Лиьеннин льяжет, —
Маммиа еи в отвъетт.
Встаньешь, – Лиьеннин внофф тщиттаэт
Он фстайот тшут сфъет…».

«Такой же труженик, Как и Адольф – подумала про Ленина Марта – когда же он уделяет время своим – Надежде и Инессе…». Однако, скоро общий прогресс в изучении Мартой русского – стал довольно заметен, и она подумывала, что, когда устанет от своего истребительного бомбардировщика, то в дальней перспективе может и попробует – как знающий язык врага специалист – перевестись из штатных пилотиц – в ведомство Мюллера, Шеленберга или Канариса. Надо сказать, что техбогу Просту Марта показалась симпатичной и он, видимо, все же помогал ей в изучении русского какими-то своими эффективными, но невидимыми ментально-космическими методами.

Обстоятельства, сложившиеся из непредсказуемых и всякогранных нюансов разведдеятельности потребовали от Николая – по долгу службы, …или «вроде, как»… – сблизиться – с одной из агенток из группы его резидента-подполковника.

И Баксков улавливал себя на том, что частыми временами стал погружаться в неотвязные раздумья о том, что ему, несмотря на всепоглощающее его чувство к Марте, \до щемящей душевной болезненности нравится эта агент Скобеива, с которой они позапрошлой осенью, в ноябре, взорвали секретный аэродром вместе с боевыми дирижаблями Люфтваффе и, захватив множество важной документации, не без приключений – выбирались из Чехословакии. Путая следы и пересекая паровозами европейские границы, Николай и Ольга тогда блестяще изобразили «семейную пару». Ольга, с «беременным» животом, под которым скрывалась плотная кипа похищенных документов, выглядела довольно мило и правдоподобно, словно действительно находилась на последних неделях беременности. А Баксков – с удовольствием вжился в образ нежного и заботливого мужа, что добавляло «спектаклю» в их развед-миссии – не лишнюю долю обворожительного шарма теплой «семейной атмосферы».

Оставаясь, как сейчас, в одиночестве, наедине с осенней природой Баксков временами совсем переставал помнить, что он бывший сопран-певщик, член группы «Аненербе», или завербованный резидентом Путеным красный разведчик стимп-страны Советов. Погружаясь, вдруг, все глубже в спонтанные философские размышления о смысле собственной жизни, он на некоторое время, уж в который раз, – словно забывал – как ему петь, как действовать в качестве разведчика и как жить дальше. «Зачем человек живет, если он все равно умрет?» – Задавался непростым вопросом наш герой, несмотря на то, что техбог Прост, в беседе в одной с ним из встреч, не рекомендовал ему озадачиваться «проклятыми вопросами». Но организм разведчика уже плотно успел всосать в себя – как повышенную ответственность, так и служебный долг и потому, словно очнувшись от размышлений, сопран, вытащил из «осиротевшего» рюкзака Курта компактный пароэлектрический «Телефанкен» и передав морзянкой в наступившее время сеанса связи резиденту Путену стихотворный текст своего перевода с древнешумерского, облегченно выдохнул. С сожалением вспомнил приставленных к нему помощников, которых во имя выполнения задания своего резидента и спасения себя – пришлось застрелить. Он достал флягу с коньяком, и после двух глотков негромко произнес наподобие печального тоста:

– Наслаждайтесь блаженством в Вальгалле, эсэсовские камрады. …От моего Резидента, от Абакумова с Берией – передавайте привет Канарису… И, сделав еще глоток, поморщившись, добавил:

– И от меня тоже – горемыке Вильгельму привет…

– …Передавай, на всякий случай, заодно – привет – и Мертцу с Рюттте…» – предложил, вдруг, невидимый Прост…

– Так они же не в Вальгалле, они еще живы, …или даже еще не родились! – Удивился Баксков.

– Эх, Коля… …Частенько же мне приходится напоминать твоему двухмерному сознанию, что – Там, где я – нет времени.

– Да ну, вообще, их – подальше, европидроидов. – С несдержанным раздражением и долей брезгливости отмахнулся сопран, бывший «Золотой голос», уставший от несколько поднадоевших ему – опеки и нравоучений Проста.

Когда-то – в обмен на разрешение для этно-германской экспедиции от Аненербе поработать в Ворошиловграде в поисках артефакта, Гитлер предложил Сталину помочь в борьбе с антироссийской истерией младо-европейских стран. Младо-президенты обиженных соседством с Россией стран особенно надрывались со всех парокластерных экранов коллективного запада, создавая Стимп-советской Росии в международном пространстве имидж нежелательного свойства.

Гитлер, до чьего сознания – наконец дошло, что Сталину требуется больше, чем монгольские степи и прокорм тьмы голодных китайцев – возжелал манипулировать Сталиным через паро-Тьюб. Он отдал приказ воинству своих паро-насосно-хакерских батальонов коверкать все ролики со Сталиным. Паронасосные хакеры, почти совсем вставшего с колен рейха, потрудились над роликами, и Сталин стал в них выглядеть супер-дураковато – примерно, как на иллюстрациях, еще не напечатанных в – будущие и параллельные, достославные стимп-времена – номерах «Юности» с «приключениями солдата Чонкина». Но в суровой неискаженной Геббельсовскими медиабрехнизмами стимп-реальности – Сталин был самим собой как внутренне, так и внешне. И так, всегдашне с самим собой искренний и усиленный подсказками Гурджиева, он выстоял в противостоянии с валом, гуляющих в пароинет-Тьюбе, антисталинских роликов, пытавшихся ущемить или разрушить его, Кормчего, политический авторитет. Но Крепкое и закаленное «сталинское» устройство организма, еще нетронутое пробравшимися с земного уровня в его ментал последствиями от курения табака, или – другими словами – атеросклероза, гипертонии и, тем более, – кровоизлияния в мозг – звучало краше и могущественнее, звучаний организмов иных лидеров мировых стимп-держав, уже давно договорившихся медлить со вторым фронтом в войне, в которой Польша во главе с Анжем, как и Япония, желала выступить на стороне Германии. И в этом политическом многопарообразии младо-дряхло европейские политические взбалмошные паро-теле «писюхи-чухонки» истошно истерили о «преступлениях» Кормчего, стратегически ослаблявшего репрессиями сионистское крыло своего генералитета и бесконечно испытывавшего ново-изобретаемые, вялострельные конвенциальные новинки.

Сталин, хоть и заключил сделку «Артефакты в обмен на тюрьмы для чухонских медиабрехнистов», но он уже успел разлюбить Адольфа, скомпрометировавшего себя «фабриками смерти» и умерщвлением заложников. Германские орды на всех стимп-фронтах, терпя фиаско, откатывались назад к Берлину.

Дуда уже был давно исключен из вождей «еще «Несгинелой», нелюбимой фюрером, этой самой Польши, которую уже полностью захватили сталинские полки. Несмотря на участившиеся налеты вражеской авиации на Берлин, Марта, тем или иным способом, – все еще получала любовные записочки, – а то и звонки – от приставучего Анжа Дуды. И ей все приходилось думать – как бы его отшить. Как оттолкнуть от себя подальше, потому как слишком надоедал ей своими попытками – за ней, женщиной замужней – ухаживать. «Не лучше ли будет – попросить своего прямого начальника – убить его. Ведь только один короткий звонок массы Геринга – Мюллеру и надоедливому Анжу – более чем быстрый конец. Достанут где угодно. …У Мюл-

лера такие как штандартенфюрер Бруно… и ему подобные – свое дело знают». – Нет-нет, да и подумывала иной раз пилотица. Но в глубине своей светлой души Марта не могла согласиться на участие в убийстве для своего дальнейшего удобства – в любой его форме. Будучи счастливой и испытывая глубокую любовь к мужу, она не хотела жизни без любви даже для Анжа, и от своего великодушия, втайне желала ему всяческого благополучия на его любовном фронте. …Только бы где-нибудь – подальше от себя. Марта подошла к комоду, на котором в латунной рамке стояла фотография мужа, запечатленного на сцене «Дойче Оперхауз», одетого Иваном Сусаниным. …Взяла фото супруга, подержала в руках. Поднесла к лицу и, нежно поцеловав, бережно поставила на место…

Тем временем Прост, в который раз перепивший амбры, забыл о своих обязанностях. Его мысли, затуманенные сладким опьянением, не позволили ему своевременно напомнить соответствующему МИДу о том, что окученная сионистами Украмбия, как хрупкий цветок, нуждается в защите и заботе, чтобы оставаться в зоне энергетического комфорта – любой ценой. В этом украмбийском хаосе, где переплелись жадность и безумие, лишь немногие оставались верными своим высоким стимпанкическим принципам. На «глобальной столешнице» складывалось так, что – лишь время покажет, кто выйдет победителем из этой тени, вдруг так плотно окутавшей всю Стимпанк-эпоху.

«Димитрий Харотьян», со свободно поместившимся на его палубе и накрепко закрепленным в секторе бака канатами – "Колываном Плотницким", расколов носом льды, уже покинул арктические широты и спешил в Америку, чтобы помочь властям Соединенных Штатов подавить протестные акции против засилья рынка Флориды консервами из шпрот, что в изобилии понаделали беспатентные лодочники Чухонии.

Разведчица Скобеива Ольга, мня себя на посту Кормчего – уже, как бы избранную честным голосованием, набрасывала в блокноте варианты актов приструнивания распоясанного олигархата и делала заметки о возможных путях искоренения международного англо-саксонского брехнизма в глобальной международной политике. …На пятницу Ольга в своем блокнотике пометила, чтобы ей не забыть – перехватить на трассе некую малохольную и обезбашенную танкистку Лизтрасс и, ухватив ее за толстую задницу, вытолкать, наконец, – к чертовой матери – из танка. …При этой своей мысли – Ольга, полуобернувшись через плечо и отведя повыше локоть, бросила взгляд на свою, ниже спины, часть тела, живописно и рельефно очерченную зеленой тканью длинной облегающей шерстяной юбки…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.